

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Головнева

Головнева Елена Валентиновна (Екатеринбург, Россия) — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ПОНЯТИЙНЫЕ ОБРАЗЫ КОНЦЕПТА «РЕГИОН»
В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье систематизируются основные подходы к определению понятия «регион». На основе анализа академического дискурса разграничиваются понятийные образы региона, проблематизируется его роль в системе пространственных отношений и обозначается тот теоретический фон, на котором сегодня может идти речь о регионе.

Ключевые слова: регион, регионализм, дискурс, пространство

E. Golovneva

Elena Golovneva (Yekaterinburg, Russia) - PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor at Ural Federal University, Department of Culturology and Design; E-mail: golovneva.elena@gmail.com

NOTIONAL IMAGES OF "REGION" CONCEPT
IN ACADEMIC DISCOURSE

This paper deals with systematization of the main approaches to definition of the concept "region". On the base of the analysis of academic discourse the author differentiates the conceptual images of a region, problematizes the role of a region in the set of spatial relations and designates the theoretical background for the relevant definition of a region today.

Keywords: region, regionalism, discourse, space

В конце 1960-х гг. географом Р. Миншаллом были сформулированы два ключевых вопроса в исследовании региона, обсуждение которых продолжает быть актуальным до настоящего времени: Может ли регион служить методом анализа пространственной организации? Являются ли регионы реально существующими общностями? [32]. На протяжении длительного промежутка времени исследователи были озадачены проблемой определения регионов, и вопросы дефиниций были практически всегда первостепенными в проблемах обозначения линий вокруг регионов.

В большой мере, трудность решения этого

вопроса объяснялась постоянной усложняемостью самих регионов, убыванием одних и стремительным ростом других. Достаточно указать, что крушение советской империи в российских реалиях обозначило, начиная с 1990-х гг. бурный рост регионального самоопределения как ситуацию «расшивания» прежней системы рамок и контекстов. В странах Западной Европы региональный протест против режимов и политических центров набрал силу еще раньше — в 1960-70-е гг. К примеру, во Франции это движение за восстановление и сохранение преимуществ регионов приняло вид политической формы регионализма. Регионы со-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ставляли оппозицию государственному централизму, требования регионалистских движений принимало форму более или менее выраженного автономизма, в худшем случае — политического сепаратизма [16, с. 19]. В Германии сильная федеративная государственность обусловила ведущую роль федеральных земель (регионов). Аналогом аналогичного представления является идея прав штатов, упорно сохранявшаяся на протяжении всей истории США.

Стремление осмыслить рост регионов привело к тому, что понятие «регион» стало чрезвычайно востребовано в академическом дискурсе и обусловило появление в зарубежных исследованиях актуального направления под названием «новый регионализм» [См.: 27, 28], обсуждающего будущее европейских стран. По оценке финского географа А. Пааси, «новый регионализм» — довольно интересная концепция, поскольку она объединяет вместе как регионы, имеющие длительную историю существования в европейском пространстве и в восприятии людей, так и регионы, сформировавшиеся относительно недавно, в результате усилий европейской бюрократии перед угрозой глобализации [33, с. 17]. Если «традиционный» регионализм был ориентирован на решение функциональных задач в сферах экономики и безопасности, то «новый регионализм» включает в себя экономический, политический, социальный и культурный аспекты [25, с. 6-7]. По словам М. Фэзэрстоуна, в современную эпоху есть своеобразная ностальгия, запрос на восстановление или изобретение региональных культур, которые могут быть расценены как средство усиления утрачиваемого «чувства локальности» в условиях глобализации мировой экономики, распространения медийного общества и культуры потребления [22, с. 95]. Немецкий исследователь К. Рот наряду с политическим регионализмом использует термин «символический регионализм», который связывается им со стремлением современных городских жителей вернуться к местам происхождения их родственников и со своеобразной ностальгией по «деревенскому» образу жизни в условиях растущей урбанизации и глобализации мира. В новых условиях

периферийные регионы, по Роту, получают второе рождение, становясь объектом ностальгии горожан и одновременно предметом научного изучения [34, с. 33 – 34]. Понятие «регионализм» в таком контексте приобретает, кроме прочего, субъективное измерение.

По мнению А. Харелла, сегодня регионализм представляет собой «нестабильный и недетерминированный процесс сосуществования множества логик», в котором отсутствуют конечные цели [26, с. 128]. Регионы существуют в условиях мобильного, глобализирующегося мира, который Кастельс более двадцати лет назад определил как «мир потоков», постепенно замещающий собой более статичный и менее амбициозный «мир локальностей» [20, с. 14]. А. Аппадурай, например, говорит о возрастающем потоке людей (иммигрантов, рабочих, беженцев, туристов), технологий, финансов, медийных образов, информации, идеологий и мировоззрений [19]. В этих условиях становится интересным по-новому теоретизировать о том, что такое регионы, учитывая их невероятное разнообразие и жизненную силу.

Растущий интерес в науке к исследованию региона обусловил тот факт, что в настоящее время тематика исследований, касающихся региона, широко варьируется от экономических вопросов до политических проблем, от аспектов региональной культуры и идентичности до роли новых институций в региональном развитии. Региональные исследования представляют собой поле взаимодействия и интереса таких дисциплин как социальная география (*human and cultural geography*), политическая социология, социология пространства, социальная психология, политическая регионалистика, сравнительная политология, социальная и культурная история, культурные исследования (*cultural studies*). По всей видимости, изучение региона в этих дисциплинах открывает для социальных теоретиков богатство новых перспектив, в том числе, связанных с обращением к проблематике пространства, потому, как в настоящее время «мышление с учетом пространства означает перестройку центральных концепций социальной теории» [23, с. 257].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

В этой связи, важным является не только представление различных методологических подходов к изучению региона, но и попытка выяснить, каким образом концептуализировано понятие «регион» в различных дисциплинах. Необходимо проанализировать, как можно разграничить понятийные образы региона, проблематизировать роль региона в системе пространственных отношений и обозначить тот теоретический фон, на котором сегодня может идти речь о данном феномене. Для ответа на эти вопросы предлагается рассмотреть варианты академического дискурса (в рамках различных дисциплин) о регионе, существующие в современном социально-гуманитарном знании.

В научных исследованиях регион долгое время являлся объектом изучения, прежде всего, географии. В географии, начиная с XIX века и до 1980-х гг., доминировал «реалистический» подход к регионам, рассматривающий их в качестве «контейнеров», в которых физико-географические и человеческие элементы формируют подобие «естественной» целостности¹. В эпоху модерна доминирующим «контейнером» такого рода являлась территория государства, которая представлялась «естественным вместилищем» для наций [33, с. 15]. По словам А. Макарычева, регионы были приравнены к агентам, в то время как система федеративных отношений (включая центр-периферию) рассматривалась как структура [30, с. 185]. Под регионом понималось важное пространство, необходимое для организации социальной и политической жизни, экономической активности внутри государств. В систематической географии регионы понимались как гомогенные, объединенные одной характеристикой пространства, в региональной географии под регионом рассматривался любой участок земной поверхности, обладающий набором специфических свойств. Регион определялся одновременно как целостность и часть целого. По определению отечественного географа В. Л. Каганского, географическое единство региона должно

иметь свой центр, вокруг которого существует некий каркас, позволяющий провести географическую границу [5, с. 38]. В общеупотребительном понимании регион выступал наиболее обширной подсистемой внутри государств либо транснациональных ареалов.

В конкретных исследованиях географов выделялись термины для описания регионов разного уровня. Немецкий исследователь К. Рот специфицировал четыре типа регионов: микрорегионы (относительно небольшие по размеру объединения, зачастую охватывающие город и прилегающую к нему территорию; пространство повседневного существования индивидов), мезорегионы (территориальные образования среднего уровня, находящиеся по пространственной шкале между городом/районом и государством, имеющие самоназвание и собственную историю), макрорегионы (образования, расположенные между государствами и континентами) и регионы глобального уровня (объединения типа «средиземноморский регион», «тихоокеанский регион» и даже «Ближний Восток») [34, с. 18]. В отечественных исследованиях разграничивался район как результат процедуры районирования и регион как географический индивид, часть районов [6, с. 37]; регион как «институциональный район» [4, с. 5]. Выделялись «частично связанные с экономическими районами» макрорегионы, мезорегионы, субрегионы [2, с. 218]; регионы (субъекты федерации) и макрорегионы (федеральный округ, экономический район) [8, с. 126]; суперрегионы (объединения типа Балтийского региона), мезорегионы (административные образования), микрорегионы (современные административные районы) [17, с. 20 – 21], регионы как муниципальные образования [3, с. 209]. Как правило, предложенные классификационные модели являлись инструментальными/рабочими для описания конкретных регионов и не могли быть признаны удовлетворительными всеми исследователями. К примеру, макрорегион (страны Бенелюкс) мог оказаться меньше микрорегиона (китайской провинции) по численности населения, силе экономического влияния и иным параметрам [33, с. 738].

¹ Эта концепция региона как вместилища природного и культурного субстрата восходит к концепции пространства немецкого мыслителя К. Риттера и трактуется в субстанциональном смысле.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

В итоге, выделяемые в конкретных исследованиях по различным основаниям регионы традиционно оказывались разномасштабными, а границы между ними — неопределенными и условными. Признавалось, что регионом «может быть ограниченная территория – конкретное место (город, село, область) или значительно более широкие пространства — Россия, СНГ, а для некоторых респондентов («имперцев», «державников») — все еще СССР» [18, с. 95]. Российский географ М. П. Крылов отмечает, что формирование регионов объясняется «социокультурным выбором жителей соответствующих территорий» [7, с. 285], поэтому одна и та же территория может быть интерпретирована по-разному, регионом может быть и крупный город, административно-территориальная единица, совокупность административно-территориальных единиц или историко-культурное пространство.

Опираясь на работы географов, представители гуманитарных наук, занимающиеся региональными исследованиями, несколько административных единиц часто объединяли в регион. Эта работа с большими пространствами позволяла расширить привычные восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. С точки зрения «воображаемой географии», такой регион обладает историко-культурными особенностями, имеет общие экономические и политические параллели развития (например, Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток), и даже общие цивилизационные особенности (Европа). Такой тип, в первую очередь, строился на основе соотношения с сообществом, и, следовательно, здесь формальные границы территории (географические, административные) отходили на второй план, становились ментальным символическим конструктом. В этом плане концепт «регион», помимо прочего, противопоставлялся понятию «места» (place), отличающемуся такими чертами, как зафиксированность, четкое масштабирование, определенность, ограниченность. Социолог А. Ф. Филиппов, в частности, классифицирует место как часть территории, членить которую далее невозможно и нецелесообразно [15].

Обобщая опыт развития отечественных географических исследований в процессе изучения региона, можно отметить, что регионы описывались в них как природно-географические, а не как социокультурные образования. По словам социального философа Е. Г. Трубиной: «Когнитивный стиль развития отечественной географии традиционно строится на признании существования общих закономерностей, с помощью которых можно описать географическое или физическое пространство, а также на мышлении в терминах «систем», в данном случае, географических, включающим в себя различные подсистемы (биологические, социальные). В российских университетах социальная и экономическая география оказываются, как правило, объединены и изучаются, по преимуществу, масштабные экономические районы, а такие ключевые для современной географической теории понятия как «пространство», «масштаб», «взаимосвязь», «место», «изменения», «процессы» растворяются в тех или иных версиях географического детерминизма» [14, с. 38]. В результате, отечественной географии, которая в настоящем своем варианте не может развиваться отдельно от социальных и культурных исследований, «приходится самостоятельно осваивать методологию региональной идентичности, исходя из базовой посылки: социальное пространство обладает собственными свойствами, опосредующими социальные контакты людей, и состоит из районов и районоподобных частей, в рамках которых замыкается основная часть таких контактов, и которым адресована региональная идентичность местного населения» [12, с. 180].

Если в работах географов термин «регион» используется как способ исследования и метод описания региона в его естественных, географических, границах, то в работах экономистов при рассмотрении регионов, безусловно, доминирует превалирование экономических интересов над географическими. Наибольшее значение имеет выделение региона с позиций экономического управления, его места в территориальном разделении труда, функционирования товаров и услуг, типичности социально-экономических проблем. Регион

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

выступает как часть экономической системы государства, отличающейся от других природными ресурсами, отраслевой специализацией экономики и способности к самообеспечению. В этой логике пространственные границы регионов определяют рациональные принципы экономического планирования, а большинство определений региона, даваемых экономистами, предполагают обязательное наличие трех признаков: территории, специализации, экономических связей.

В целом, экономический подход создает представление о регионах как о конкурирующих экономических зонах (наиболее привлекательных мест для местожительства и ведения бизнеса) как основном типе социального взаимодействия. Регион создает базовую единицу экономического пространства, с которым естественный культурный ареал имеет тенденцию к совпадению. В таком понимании регионы определяются как функциональные, как рамка для действия в системе других рамок. Регион, таким образом, рассматривается как пространственная организация, которая не порождает культурной общности, но дает тенденцию развития так называемому экономическому комьюнити.

В исследованиях политологов регион традиционно рассматривается как административная единица государства, ячейка сетки административно-территориального деления, где действуют региональные властные институты с определенными компетенциями и соответствующими финансовыми ресурсами для их реализации, происходит региональная политическая жизнь [11]. С одной стороны, регион воспринимается как субъект действия, вырастающий в ходе регионального самоопределения, политики самого региона и его ключевых групп как сложной игры коалиций элит, мест, ценностей и интересов. Так, в экономической политике свидетельством формирования регионов часто становится практика извлечения ресурсной ренты [21, с. 56] и максимизация выгод в ходе «торга» с федеральным центром в рамках «переговорного федерализма» [10, с. 88]. С другой стороны, регион рассматривается как объект создания со стороны государства. По замечанию лидера шко-

лы пространственного анализа в так называемой «новой географии» 1960-1970-х гг. Дэвида Харви, исторически государство прочно утвердило себя в качестве главного субъекта производства географического знания: «Государственный аппарат с его интересами в правильности, администрации, налоговой сфере, планировании и социальном контроле, последовательно, с восемнадцатого века, создавался как основное место сбора и анализа географической информации... Государство посредством механизмов планирования учреждает нормативные программы для производства пространства, определение территориальности, географического распределения населения, экономической деятельности, социальной политики, богатства и благополучия» [24, с. 218].

Созданные в результате государственной политики регионы именуют формальными и отличаются их от неформальных регионов. К. Рот на материале Юго-Восточной Европы показывает, что формальные регионы имеют четко определенные границы, тогда как границы неформальных регионов — четко не обозначены и отличаются динамичностью, а их функции — множественностью и сложностью [34, с. 24]. Существование неформальных регионов может определяться самими учеными на основании специальных исследований территориальной структуры по тем или иным политическим характеристикам. Неформальные регионы часто обозначают также как районы, которые рождаются в результате экспертного выбора в пользу дискретности, предполагающей проведение границ между районами. При этом политологами при создании регионов учитывается не только институциональный, но и исторический фактор. Авторы коллективной монографии «Политика и культура в российской провинции» показывают, что те или иные особенности определенных регионов России (Воронежской, Новгородской, Саратовской и Свердловской области) обусловлены исторически сложившимися паттернами регионального развития, возникшими в ходе освоения и заселения соответствующих территорий и их включения в структуру российского государства [9].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Социологический подход акцентирует внимание на регионе как месте социального взаимодействия, как способе производства и воспроизводства социальных отношений. Предполагается, что субъекты региона формируют особое сообщество, а система повседневных взаимодействий превращает физическое пространство в определенное «место» [22, с. 103]. Регион характеризуется через «деятельность субъектов, которые объединены общими производственно-экономическими связями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой информации, органами власти и местного самоуправления» [3, с. 209]. Главная исследовательская стратегия здесь — это наложение существующих представлений о социальной структуре (т.е. группы выступают здесь с ассоциированными статусами и находящимися в определенных иерархических и горизонтальных отношениях друг к другу) на определенную территориальную общность, в данном случае, регион. В рамках этого подхода происходит включение региона в игру социальных сил. Это то, что Р. Шилдз определяет как «социальную специализацию», предполагающую социальное конструирование пространственных отношений через «социальное воображение» [35].

Для социологов важными оказываются вопросы расселения на территории региона, профессионально-должностная структура, положение в системе властных отношений, уровень материальной обеспеченности и оценка этого уровня, направленность ориентаций на значимые проблемы для жизни территориального общества, готовность региональных сообществ к самоуправлению, информационное обеспечение, степень адаптированности к трансформациям. На уровне более конкретных исследований эта тематика актуализируется в работах по социальной стратификации. Так, Л. Уорнер отмечал важность географического фактора (а именно района проживания) на конструирование комплексного социального статуса [36, с. 265]. Д. Мэсси говорит о так называемой «власти геометрии», способах, с помощью которых люди расположены в пространственно-временной компрессии, сложно организованы и широко раз-

нообразны [31, с. 147]. Регион рассматривается не просто как смесь социальных групп, а как мозаика различных социальных миров, соприкасающихся и пересекающихся в критической точке. Сквозь призму данного подхода, формирование региональных сообществ — это вопрос идентичности, ее конструирования и воспроизводства. Как отмечает А. Ф. Филиппов: «Смысл территории, границы, пребывания, места, движения обнаруживается в практике социальной жизни, и он находит себе подтверждение в этих объективных характеристиках» [15].

В отечественной этнологии, которая долгое время развивалась под влиянием географии, приоритетными категориями при исследовании территориальных сообществ традиционно выступали не регион и региональная культура, а «этнос», «этничность» и «этническая территория». Важность использования именно подобного категориального ряда во многом объяснялась тем, что послереволюционное деление России происходило по национально-территориальному принципу. Изучение этнических территорий было продиктовано не только чисто исследовательским интересом, но и задачами политического управления, геополитических претензий и узкогрупповых амбиций. Однако в рамках отечественных этнологических исследований присутствовал и интерес к локальным культурным комплексам, восходящий, в первую очередь, к концепции культурных кругов Ф. Ратцеля, Ф. Гребнера и Л. Фробениуса. Под культурными кругами понимались замкнутые географические ареалы с определенным набором культурных элементов. Каждый культурный комплекс рассматривался как реакция на определенную географическую среду. Усовершенствованную версию культурных кругов и ареалов занимала концепция хозяйственно-культурных типов [1], картографированием которых отечественные этнографы занимались вплоть до 1980-х гг.

Идея региональных культур получила развитие также в концепции локальных культурных комплексов, сформулированной основателем отечественной этнолингвистики академиком Н. И. Толстым и не получившей широкого рас-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

пространения в отечественной этнологии в силу приоритетности там темы этнических/национальных культур. По мнению этого исследователя, культура всегда локальна, она функционирует не в сфере языка вообще, а в сфере его диалектов, наречий, говоров. На основе картографирования языкового и культурного материала Н. И. Толстой пришел к выводу, что изоморфные языковые явления — изоглоссы, изоморфные явления духовной культуры — изодоксы и изоморфные явления материальной культуры — изопрагмы оказываются изоморфны (соответственны) и друг другу и при этом независимы от этнических границ, они являются базовыми элементами локальных культурных комплексов (ЛКК) [13]. Выделенные Н. И. Толстым ЛКК охватывали традиционную культуру и при всей своей научной ценности могли лишь частично быть использованы при выделении и характеристики современных регионов, поскольку последние, включающие в себя и городскую культуру, требуют иных подходов к пространственному анализу.

В изучении регионального своеобразия особое место занимает этнологическая традиция Франции, в которой изучались территориальные единицы (коммуны, города, исторические земли, регионы) или культурные феномены, но не «этнические группы». Подход к исследованию территориальных сообществ был заложен работами выдающегося географа Видала де ла Бланша, который утверждал, что природная среда формирует неповторимость человеческих коллективов и «накладывает отпечаток на ее обитателей» [Цит по: 16]. Термин «ethnie» традиционно использовался для обозначения населения далеких колоний, которое европейцы воспринимали как «дикарей», лишенных собственной политики, экономики и истории, что оправдывало «цивилизационную миссию европейских держав». Поэтому считалось непродуктивным применять этот термин для обозначения современного европейского населения. Вместо этого говорили о «региональных» языках и культурах [16, с. 13 – 14].

Итак, эксперты, работающие в рамках отдельных дисциплин, создавали различные поня-

тийные образы регионов, не совпадающих между собой или совпадающих лишь частично. Изучение регионов как географических, административных, экономических образований, локальных культурных комплексов проходило по ведомству различных дисциплин. В академической среде находили место разные варианты построения теории о регионах — от масштабных теоретических повествований о пространстве (невозможном без регионов) до детального специфически местного соотношения сил в развитии того или иного региона. Ситуация осложнялась тем, что представители различных дисциплин, изучающих регионы, долгое время были разобщены и нечасто обращались к работам друг друга. Как показывает анализ методологических подходов, всякая позиция, осмысленная для региона, оказывалась тесно связанной с определенными группами, интересами, ценностями, стереотипами, клише.

Представляется, что сегодня синтез междисциплинарных дискурсов о регионе может произойти, прежде всего, на уровне философского знания. С одной стороны, в философии в наибольшей степени реализуется принцип дополнительности и системности знания, философия по самой своей сути выражает критическую позицию по отношению к существующим явлениям. С другой стороны, в философии есть явно выраженное стремление постичь и закрепить пространственно-временную включенность человека в мир. Интерес к различным формам пространственного бытия человека в мире и их проблематизация делает регион привлекательным объектом для философского анализа.

Литература

1. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. — С. 3 – 16.
2. Гриценко А. А. Исследование региональной идентичности национальной окраины (на примере российско-украинского приграничья) // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И. С. Семененко. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 216 – 219.
3. Жирякова И. В., Ильяева И. А. Регион как объект

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

- междисциплинарного исследования // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки: философия, социология, культурология. Вып. 4 (84), 2010. — С. 209 – 214.
4. Каганский В. Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики // Культура в современном мире. 1997. Вып. 3. — С. 4 – 29.
 5. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция и деструкция // Регионоведение. 1998. № 5. — С. 38 – 56.
 6. Крылов М. П. Взаимодействие смежных наук при изучении региона: эффективность и сочетаемость методологий и теоретических допущений // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. 2012. — С. 37 – 57.
 7. Крылов М. П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос. 2005. № 1 (46). — С. 275 – 289.
 8. Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению // Центр и региональные идентичности в России. — СПб., М., 2003. — С. 125 – 186.
 9. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхардт-Михалевой. — М., СПб.: Летний сад, 2001. — С. 209 – 232.
 10. Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма: политико-экономический анализ // Политика и экономика в региональном измерении / Под. Ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. — М., СПб.: Летний сад, 2000. — С. 68 – 88.
 11. Регион как объект (уровень) политического анализа // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nicbar.ru/region_02.htm#_ftn8 (дата обращения: 12.10.2014)
 12. Смирнягин Л. В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей. / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 177 – 185.
 13. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Изд-во «Индрик», 1995. — 512 с.
 14. Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. № 4. 2011. — С. 34 – 49.
 15. Филиппов А.Ф. Социология пространства. Владимир Даль, 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://socioline.ru/book/filippov-f-sotsiologiya-prostranstva> (дата обращения: 8.10.2014)
 16. Французские тетради: диалоги и переводы / Отв. ред. и перевод с франц. Е. И. Филипповой. — М.: ФГНУ «Росинформатех», 2008. — 244 с.
 17. Шлямин В.А. Россия в «Северном измерении». — Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. — 192 с.
 18. Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. — С. 94 – 101.
 19. Appadurai A. Disjunction and difference in the global cultural economy in Theory, culture and society. 1990. № 7 (2-3). — P. 275 – 310.
 20. Castells M. The Informational City. — Oxford. Blackwell, 1989. — 461 p.
 21. Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 3: The Political Economy of Regions, Regimes and Republics / ed. K. Segbers. — Aldershot: Ashgate, 2001. — P. 19 – 137.
 22. Featherstone M. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity. Sage Publication, 1995. — 178 p.
 23. Friedland R., Boden D. NowHere: An Introduction to Space, Time and Modernity // NowHere: Space, Time and Modernity Friedland R. & Boden D. (eds.). Los Angeles: University of California Press, 1994. — P. 257 – 286.
 24. Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. — P. 208 – 233.
 25. Hettne B. Globalization and the new regionalism: the second great transformation // Globalism and the New Regionalism / Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. — Basingstoke: Macmillan, 1999. — P. 1 – 24.
 26. Hurrell A. One world? Many worlds? The place of regions in the study of international society // International Affairs. 2007. № 83, 1. — P. 127 – 146.
 27. Hurrison J. Re-reading the new regionalism: a sympathetic critique // Space & Polity. 2006. № 10. — P. 21 – 46.
 28. Lombaerde P. de, Soderbaum F., etc. The problems of comparison in comparative regionalism // Review of International Studies. 2010, № 36. — P. 731 – 753.
 29. Macleod G. New regionalism reconsidered: globalization and the remaking of political economic space // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. № 25. — P. 804 – 29.
 30. Makarychev A. Identity and representation of Russian regions: Adopting a critical theory perspective // Journal of Eurasian Studies. 2012. № 3. — P. 185 – 192.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

31. Massey D. Space, Place and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. — 288 p.
32. Minshull R. Regional Geography: Theory and Practice. London: Hutchinson University Library, 1967.
33. Paasi A. Re-visiting the region and regional identity. Theoretical reflections with empirical illustrations // The Archeology of Regional Technologies. Barndon, Randi, Oye, Ingvild and Asbjorn Engevik jr. (eds). — L.: The Edwin Mellen Press, 2010. — P. 15 – 33.
34. Roth K. What `s in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization // Ethnologia Balcanica. 2007. Vol. 11. — P. 17 – 42.
35. Shields R. Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity. — L.: Routledge Chapman Hall, 1991. — 334 p.
36. Warner, W.L. Social Class In Yankee City // The Sociology of Community: A Selection of readings. Bell C., Newby H. (eds.) L.: Frank Cass and Company ltd, 1973. — P. 265 – 276.